

КРИТИЧЕСКИЕ ОТКЛИКИ О ГРИГОРЕ НАРЕКАЦИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ (60-90-е годы XX века)

М. Г. ДЖАНПОЛАДЯН

Первый известный нам критический отклик о Григоре Нарекаци в русской действительности относится к 1840 году и принадлежит Степаносу Назаряну¹. С этого времени в течение всего XIX века и первой половины XX века имя Нарекаци упоминается несколько раз в статьях на русском языке об армянской литературе, принадлежащих как армянским, так и русским авторам. В основном это статьи обзорного характера, где творчество поэта обрисовано в общих чертах. Он представлен как самый крупный поэт своей эпохи. Отмечается наличие светских мотивов в песнях (тагах), подчеркивается религиозно-мистическое содержание «Книги скорби», а также высокое поэтическое искусство Нарекаци². Следует отметить, что русский читатель воспринимал все эти критические суждения и оценки фактически априори, не имея возможности проверить их на самом художественном материале: существующие переводы двух песен (помещенные в антологии «Поэзия Армении» 1916 г.) оказались неудавшимися, а «Книга скорби» была читателю неизвестна.

В 1969 году стараниями Левона Мкртчяна и с его послесловием в Ереване, в государственном издательстве «Айастан» вышла в свет на русском языке небольшая книжка Нарекаци с тремя его песнями и шестью главами из «Книги скорби» в переводе Наума Гребнева. Книжка была горячо встречена в русской читательской среде: на нее откликнулись известные писатели и критики многонациональной советской страны. О Нарекаци высказывались в советской периодике и после выхода в свет составленной Л. Мкртчяном антологии «Средневековая армянская лирика» (Л., 1972), где было помещено 17 глав из «Книги скорби» в переводе Н. Гребнева. А в 1974 г. Л. Мкртчян издал сборник «Читая Нарекаци», куда вошли отзывы о поэте на русском языке за последние пять лет. Однако и в последующие годы интерес к Григору Нарекаци не ослабевал. В 1977 г. Л. Мкртчян осуществил параллельное издание «Книги скорби»: целый ряд глав в оригинале и в переводе Н. Гребнева; в 80-е годы вышли в свет новые русские переводы «Книги скорби» - Л. Миля (1984) и В. Микушевича (1985), а также подстрочный перевод всей поэмы, выполненный М. Дарбинян и Л. Ханларян (1988). Естественно, появились и новые отклики на творчество поэта. Это и побудило Л. Мкртчяна к подготовке и изданию еще одного, дополненного сборника с тем же названием - «Читая Нарекаци» (1997).

¹ Ст. Назарян. Беглый взгляд на историю гайканской литературы до конца XIII столетия. В кн.: Ст. Назарян. Сочинения. Ер., 1996, с. 21-22.

² Более подробно об этих критических отзывах см. в нашей статье «Григор Нарекаци в русской действительности: переводы, критические толкования (1810-1940)». «Декабрьские литературные чтения», изд. ЕГУ, 2005, вып. VIII.

Таким образом, в 60-90-е годы прошлого столетия о Григоре Нарекаци сложилась на русском языке целая критическая литература. Ее отличительной чертой в сравнении с предшествующим полуторавековым периодом является то, что творчество Нарекаци оценивается здесь не обзорно и не только в историко-литературном плане: это чаще всего **специальные статьи**, в которых выражены **непосредственные, живые впечатления авторов** от чтения строк армянского поэта.

По своей проблематике эти критические отзывы достаточно богаты и разнообразны. Здесь мысли и суждения об эпохе Нарекаци, осмысление фактов его биографии с целью глубже понять творчество³; здесь и интерпретация самого творчества поэта, нередко сквозь призму мировой культуры, и наблюдения о поэтике Нарекаци; здесь и разные взгляды на проблемы перевода его поэзии... Но все эти вопросы обсуждаются на единой основе: Нарекаци глубоко взволновал русского читателя, оказал на него огромное эмоциональное воздействие. Каждый автор, высказавшийся о Нарекаци, фактически отвечает на вопрос о том, чем именно интересен и близок ему армянский поэт X века, и таким образом выявляет те черты его творчества, которыми он перешагнул свое время, свою эпоху. Можно сказать, что **современное звучание поэзии Нарекаци — это доминирующая идея**, лежащая в основе почти всех критических отзывов о поэте на русском языке второй половины XX века. В статье «Плюс десять веков» Ст. Рассадин замечает: «... Книга живет не тогда, когда ее комментирует дотошный критик, а тогда, когда она попадает в руки читателя, которому нужно не мешкая получить ответы на свое, родное, выношенное». Именно таким произведением считает он «Книгу скорби». «Так что **современность** (выделено автором — М. Д.) поэзии Нарекаци — не пустое слово, а реальность»⁴, — пишет Рассадин. О том, насколько живым, современным представляется ему Нарекаци, говорит и Вл.Рогов: «Самое большое чудо, сотворенное Нарекаци, — в том, что его создания доходят до нас как бы произнесенные живым человеческим голосом, без труда отличимым от всех других. Немногих старинных поэтов ощущаем мы рядом с собой как реальных, живых людей... А здесь... ощущаешь рядом с собой эту удивительную, неповторимую индивидуальность, гения» (с. 65). М. Дудин пишет: «Свет его души, оставленный в его поэзии, оказывается, **горит и сегодня**» (с. 71, выделено мной — М. Д.). А вот мнение Льва Озерова: «Духовные, нравственные искания поэта находят отклик в сердце современного читателя, созвучны гуманистическому устремлению нашей жизни» (с.116).

³ В последнее время к этим проблемам обращено пристальное внимание армянских ученых. Особый интерес представляют статьи Г. Мирзояна, в которых предприняты попытки расшифровать присутствующую, по мнению автора, тайнопись в «Книге скорби» и на этой основе выявить и уточнить факты биографии и творчества поэта. См.: Г. К. Мирзоян. Попытка расшифровки тайнописей «Нарека». Вестник ЕГУ, 2002, № 3, с. 67-84; Парадокс Нарекаци. Вестник ЕГУ, 2003, № 1, с. 91-112; К вопросу о построении «Нарека». Вестник ЕГУ, 2003, № 2, с. 73-90; Григор Нарекаци и Григор Тга. Вестник ЕГУ, 2003, № 3, с. 83-94; Молитвенник или «Книга скорби»? Вестник ЕГУ, 2004, № 3, с. 71-82 и др. (на арм. яз.).

⁴ Сб. «Читая Нарекаци». Составление и предисловие Л. Мкртчяна. Ер., «Наири», 1997. с. 35-36. Критические отзывы о Нарекаци, кроме особо отмеченных случаев, цитируются по данному изданию с указанием страниц.

Этими своими суждениями (здесь приведены отнюдь не все высказывания подобного рода) авторы подтвердили правоту Левона Мкртчяна, чей замысел представить «Книгу скорби» - хотя бы в отрывках - русскому читателю родился именно из ощущения ее современного звучания. В своем послесловии к первой русской книжке Нарекаци (1969) Л. Мкртчян показал, чем близок сегодня армянский поэт десятого века с его монологами, обращенными к Богу. Это послесловие, написанное ярко, увлеченно, живыми и емкими фразами, несомненно, помогло читателю глубже проникнуть в суть поэзии Нарекаци. По сути это было первое критическое слово о Нарекаци на русском языке, где величие поэта не декларировалось, а раскрывалось на конкретном художественном материале: автор всякий раз подтверждал свои мысли и наблюдения цитатами. И именно в его послесловии можно отыскать «зерна» различных интереснейших суждений и толкований в статьях и высказываниях о поэте на русском языке 60-90-х г.г. Это прежде всего мысли Л. Мкртчяна о высоком гуманистическом пафосе «Книги скорби», герой которой жаждет совершенства, жаждет жизни, осмысленной делами и дающей плоды, и чувствует себя «в ответе за неустроенность мира, за все, что в человеке порочно»; это тезис о противоречиях в самом человеке, о раздвоенности его внутреннего мира («Книга скорбных песнопений» - это внутренний монолог личности, раздираемой противоречиями); «В поэте трагически уместились враждующие начала, два человека-антипода»), позволивший автору провести смелую и неожиданную параллель «Нарекаци и Достоевский»; это и подмеченные Л. Мкртчяном отраженные в «Книге скорби» черты реальной действительности, также полной противоречий и отнюдь не благосклонной к человеку, чья жизнь - это «неосуществленные поиски и погибшие стремления»⁵...

Конечно, нельзя не заметить, что послесловие это несет на себе определенную печать времени, советской атеистической идеологии: для того, чтобы книга вышла в свет, пройдя через Главлит, надо было расставить определенные акценты⁶. Поэтому о Боге - центральном образе поэмы - говорится здесь довольно скупно, а больше подчеркиваются мотивы протеста человека против действительности. Автор пишет: «Нарекаци думал о Боге, но говорил о людях, о противоречиях жизни»; «В стихах Нарекаци, в его «Книге скорбных песнопений» выразилось время, выразился протест против всего, что угнетает человека...» и др. Впоследствии и сам Л. Мкртчян в предисловии к сборнику «Читая Нарекаци» 1997г. говорил об этих идеологических «издержках» своей первой статьи: «Что касается меня, грешного, я, отдавая дань цензуре, писал о том, что Нарекаци строил храм своей веры Богу, но для нас ценен, мол, не храм, а строительный материал, взятый поэтом из самой жизни» (с. 8). Отмечая эту черту в послесловии Л. Мкртчяна (как и в других критических откликах о Нарекаци на русском языке в указанный

⁵ Послесловие Л. Мкртчяна «О Григоре Нарекаци» цитируется по кн.: Григор Нарекаци. Стихи. Книга скорбных песнопений (отрывки). Переводы Наума Гребнева. Ер., 1969, с. 33-50.

⁶ О трудностях цензурного и иного характера, связанных с изданием первой книжки Нарекаци на русском языке, см. предисловие Л. Мкртчяна ко второму изданию сборника «Читая Нарекаци», а также статью М. Новиковой «Уроки Левона Мкртчяна» в кн.: «Пусть не гаснет свет в окне Левона». Ер., 2004, с. 247-248.

период), следует отнести к ней как к неизбежной дани времени и, так сказать, вынести за скобки. Это никак не умаляет значения его послесловия, впервые открывшего русскому читателю бездонные глубины поэзии Нарекаци и наглядно показавшего, в чем ее величие и современное звучание.

Как явствует из публикаций самого различного характера (статьи, рецензии, письма, стихотворения), Нарекаци потряс русского читателя прежде всего тем, с какой остротой и бескомпромиссностью сказал он о нравственных проблемах: о высоком стремлении человека к совершенству (слиянию с Богом), о его нескончаемых душевных терзаниях от того, что цель эта недостижима — человек греховен, жизнь жестока и несправедлива... Читателя поразила глубина проникновения поэта X века во внутренний мир человека, мир сложный, противоречивый. Примечательно, что, определяя идейную суть и значение «Книги...», авторы затрагивают именно эти вопросы. Чингиз Айтматов подчеркивает **нравственный максимализм** Нарекаци, причем слово «максимализм» (столь современное о поэте X века, что уже говорит само за себя) он употребляет в разных высказываниях о Нарекаци. «Для нас, — пишет он в письме к Л. Мкртчяну, — Нарекаци «страшен» своим немыслимым максимализмом, нечеловеческой способностью подвергать себя безжалостному суду высшей и вечной инстанции — суду совести, ответственности перед Богом» (с. 69). А в обращении к читателям журнала «Советакан граканутюн» Айтматов делится впечатлениями от «незабываемого открытия», каким стала для него «Книга скорби» (изд. 1977г. в переводе Гребнева, с предисловием Л.Мкртчяна): «Чтобы достигнуть такого нравственного максимализма, которого достиг армянский поэт X века — Нарекаци, мало быть творцами научно-технической революции и тем более потребителями ее благ; надо суметь еще взглянуть в себя всевидящим взором, каким обладал Нарекаци, чтобы сказать себе, насколько ты есть человек, эволюционировавший к добру...» (с. 70).

Неутолимая жажда нравственного идеала — вот, по мнению авторов, внутренний «стержень» монологов Нарекаци. А главное, что авторы эти — люди разных поколений, разных национальностей и вероисповеданий (и, конечно же, неверующие) сходятся в своем восприятии главных сторон «Книги...», в ее оценке. Подтверждением этому служит то, что, раскрывая основной смысл поэмы, они нередко выражают очень близкие друг другу мысли. Так, о «неотвратимом поиске истины» Нарекаци говорит М. Дудин (с. 71), о «стремлении к истине, правде и чистоте» — Кайсын Кулиев (с. 67), о «жажде истины, облеченной в форму горячих молитв» — В. Рогов (с. 62), о «пафосе пламенной проповеди истины и добра» — Л. Грабовский (с. 152)... Подобная переключка мнений и даже их словесного выражения прослеживается и в высказываниях о других чертах «Книги скорби», и эти совпадения — свидетельство того, что авторы, не дублируя друг друга, одновременно близки друг другу в интерпретации и оценке основных сторон поэзии Нарекаци.

Идейный смысл и суть поэмы раскрывается через два монументальных образа — Бога и Человека. На эти образы и обращено основное внимание в отзывах о «русском» Нарекаци.

Образ Бога толкуется как «абсолютная Совесть мира» (Л. Озеров, с. 126), как «нравственный идеал» (Ст. Рассадин, с. 31). В. Микушевич называ-

ет идеал поэта «совершенным единством» (с. 109). С. Аверинцев выявляет составляющие этого «единства», усматривая в образах, которыми поэт славит Бога, как бы три разных проявления Божественного начала: Бог как сущность в себе, непознаваемая и непостижимая; Бог как деятель, проявляющий себя в актах любви, милости, жалости; Бог как сила, действующая в самом человеке (с. 143-145). Все эти проявления Божественной сути в поэме становятся предметом размышлений в сборнике «Читая Нарекаци»⁷. Русские критики верно заметили, что Нарекаци создал образ своего Бога. Ст. Рассадин пишет: «Свой Бог и у Нарекаци. Он лепит его по себе не в порыве первобытной наивности, а в страстной жажде правды и добра» (с. 29). Индивидуальность этого образа, по мнению авторов, проявляется и в самой интонации разговора с Богом (Л. Миль, с. 91; В. Микушевич, с. 99; Ст. Рассадин, с. 30-31), и в выборе художественных средств (Л. Миль). Нарекаци, считают авторы, создал образ своего Бога как гениальный поэт, а не как ученый-богослов⁸.

Однако главное внимание русской критики сосредоточено все-таки на образе Человека. Авторы подчеркивают, что именно проникновением во внутренний мир человека для них прежде всего ценна и значительна «Книга скорби». «Основное в поэзии Нарекаци, - отмечает Ал. Дейч, - обращение к внутреннему миру мыслящей, чувствующей и страдающей личности» (с.19). «Я ощутил выдающуюся личность, мятущуюся, страждущую и борющуюся душу» (с. 16), - пишет крупный литовский поэт Эд. Межелайтис, озаглавивший свою статью о Нарекаци «Тревожный, как Бахов хорал». А вот мнение Александра Дымшица: «Сила Нарекаци — в проникновении в нравственный мир ищущего, мятущегося человека, в проникновении в душу человеческую» (с. 66). А проникая в душу человеческую, поэт обнаруживает в ней такое бечение самых разных противоречий!.. Это и поразило в поэте X века искушенного читателя XX столетия, и об этом пишут почти все авторы отзывов о «русском» Нарекаци. Думается, уместно будет привести здесь и слова греческого писателя Мицоса Александропулоса. Они, правда, не вошли в сборник «Читая Нарекаци», так как он был составлен из откликов всесоюзного читателя. Но Александропулос познакомился с «Книгой скорби» в русском переводе Н. Гребнева, как это явствует из его книги об Армении. Он пишет о Нарекаци: «Тема его поэтического творчества — трагически раздробленный человек: его делит на части Бог, затем он сам делит себя на части, и другие кромсают его, кто как может. А в нем великая жажда к единению, цельности, неудовлетворенность тем, кто он есть, ответственность и вина, надежда...

⁷ Подробно о толкованиях в русской критике образа Бога в «Книге скорби» см. нашу статью «Գրիգոր Նարեկացու քրիստոնեական իդեալը և ուր քրիստոնեական ընկալումը» в сб.: «Բրիտանիայում և հայ գրականությունը», Եր., 2001, էջ 85-95.

⁸ Как известно, еще А. Чобанян заметил, что Нарекаци изображает Бога не как богослов-схоластик и что «Книга...» - «наименее богословское и наиболее лирическое произведение во всем его творчестве» (А. Чобанян. Лица. Париж, 1924, с. 9, 10 (на арм. яз.). Глубоко личностное восприятие Бога Григором Нарекаци подробно раскрыто в кн.: О. Давтян, Э. Лалаян. Мировоззрение Нарекаци. Ер., 1986, с. 69-78 (на арм. яз.). См. также В. Налбандян. Григор Нарекаци — великий поэт и мыслитель X века. Ер., 1991, с. 74.

Стихи Нарекаци — бесконечное путешествие в собственную душу. А когда он извлекает на свет свои грехи, то находит в них сходство с пороками, страданиями, отчаянием, жалобами всех смертных. Его скорбные размышления похожи на многоликий монолог, исповедь всего мира»⁹.

В этих словах «схвачены», выделены главные черты лирического героя «Книги скорби», и именно о них размышляют авторы критических отзывов о Нарекаци. М. Александропулос, как видим, усматривает три основных «слагаемых» трагической раздробленности человека. Первое: «его делит на части Бог», т.е. человек сотворен из души и тела. Об этом противоречии у критиков не так уж много суждений, очевидно, потому, что оно изначально, общеизвестно и является традиционной темой древней и средневековой литературы. Пожалуй, только В. Рогов обращает внимание на этот источник извечных терзаний героя: «Сердце Нарекаци, — пишет он, — арена ожесточенной борьбы. Книга его бесфабульна, бессюжетна, но ее пронизал мучительный, неразрешимый конфликт. Конфликт между нормальными, естественными стремлениями каждого человека и строгостью церковной аскезы» (с. 63). И еще Ст. Рассадин (с. 33) цитирует строки Нарекаци, говоря о дисгармонии в душе героя:

**Скорблю, что создан человек из глины,
Замешенной на низменных страстях.**

Гораздо больше внимания уделяют авторы второму, по определению Александропулоса, составляющему трагической раздробленности героя: «затем он сам делит себя на части». И это естественно, потому что Нарекаци оказался особенно интересен читателю XX века именно изображением человека, ощущающего в себе самом «страстей противоборных столкновенье». В 90-е годы, спустя почти 30 лет со времени выхода первой русской книжки Нарекаци, Левон Мкртчян писал: «Известно, что великие писатели разлад человека с действительностью, с внешним миром перенесли вовнутрь — герой раздвоен, он в разладе с самим собой. Известно, что после Шекспира внутренний разлад и мучительное двойничество по-новому, как никто другой, выразил в своих романах Достоевский. Я видел, что Нарекаци уже в X веке писал свою «Книгу скорбных песнопений» о раздвоенной личности: «Я, разделенный на большие расстояния, буду ли вновь единым, увижу ли вновь радостным мое горестное скорбное сердце?» — терзался Нарекаци. Я хотел сказать, что Нарекаци, герой его «Книги...» родственен героям Достоевского. ...Я считал, что именно это обстоятельство и делает «Книгу...» Нарекаци современной, я верил в ее успех в России и среди русскоязычных читателей»¹⁰.

И действительно, мотив внутренней раздробленности героя, его разлада с самим собой стал одним из центральных в критических суждениях о Нарекаци. Поэт Эдуардас Межелайстис сказал об этом образно: «Из одной и той же человеческой груди рвались два голоса — светлый тенор Авеля и мрачный бас Каина» (с. 16). А В. Курбатов замечает: «В себе самом Нарекаци обнаруживал двойственность человеческой природы вообще: вечное стремление к

⁹ М. Александропулос. Армяне. Путешествие в их страну и историю. М., «Советский писатель», 1990, с. 139-140.

¹⁰ Л. Мкртчян. Пусть рассказана будет людям всех племен... Предисл. к сб. «Читая Нарекаци». Ер. 1997, с. 4.

добру и цепкость, трудную искоренимость пороков» (с. 113). Об этом же пишет и В. Микушевич: «От раздвоения не уйти, потому что раздвоение в самом человеке. С ненасытной виртуозностью улавливает Григор Нарекаци раздвоение во всех обликах и на всех уровнях» (с. 107). Приведем и слова Ал. Дейча, автора одной из лучших статей о Нарекаци: «В глубине средневековья жил великий поэт с противоречивым и раздробленным сердцем. Как велика должна была быть мера чувствительности и сила проникновения Нарекаци, чтобы разбираться глубоко и тонко в потоке душевных мук и познаний человеческой души! Поразительно точно передает поэт диалектическую природу постоянного спора с самим собой» (с. 19). Свое наблюдение критик иллюстрирует отрывком из 30-й главы «Книги скорби». Тот же отрывок в подстрочном переводе приводит в своей статье и Леонид Миль:

В обеих его руках по чаше:

Одна — с кровью, другая — с молоком.

В его руках две горящие кадила:

В одной курится ладан, в другой — чадит жир.

В его руках два блюда:

Одно — полно сладости, другое — горечи...

Комментирует Л. Миль эти строки так: «В поразительной по глубине и точности 30-й главе книги Нарекаци показывается двойственность своего внутреннего мира, в котором обитают два существа: искушитель и искушаемый. Чтобы полнее и беспристрастнее рассмотреть эту свою раздвоенность, автор-герой как бы отодвигается от себя, смотрит на себя со стороны и поэтому говорит о себе в третьем лице» (с. 88). О двойственности героя Нарекаци, о «противоборстве добра и зла» в его душе размышляет и Ст. Рассадин: «Почему-то ему необходимо пройти через сомнения. Почему-то нужно, хотя это и мучительно, осознать свою двойственность. ...Двойственность Нарекаци — это его сложность, необходимое условие достижения гармонии истинной» (с. 34). Прочитав строки из поэмы:

И сонмы сил недобрых и благих —

Любовь и гнев, проклятья и молитвы —

Блистают острием мечей своих

И дух мой превращают в поле битвы! —

критик замечает: «Когда читаешь страдальческий рассказ об этом противоборстве, хочется сказать вполне современное слово: самоанализ. Да, Григор Нарекаци достигает той остроты самоанализа, которая недаром заставила Л. Мкртчяна вспомнить Федора Достоевского» (с. 31). Аналогичное мнение высказывает и Ал. Дейч: «Ничуть не удивительно, что автор послесловия Левон Мкртчян ...интересно сопоставляет этические нормы, утверждаемые армянским поэтом, с раздвоенностью героев Достоевского» (с. 20). О самоанализе Нарекаци говорит и Адольф Урбан: «Энергия его самоанализа, глубина проникновения в раздвоенное сознание в чем-то сопоставима с могучей мыслью Достоевского» (с. 113). Ту же параллель «Нарекаци-Достоевский» приводит и В. Курбатов, который также использует слово «самоанализ», характеризуя героя Нарекаци: «Не зря исследователи вызывают в соседи Нарекаци тень Достоевского — эта неустанность самоанализа тут общая» (с. 158). Эти и другие подобные суждения, помимо всего, еще и показывают, что па-

раллель Л. Мкртчяна «Нарекаци-Достоевский» была принята русской критикой, оценившей ее как вполне обоснованную и убедительную.

Обратимся еще раз к высказыванию М. Александропулоса, усмотревшего одну из причин трагической раздробленности человека — героя поэмы — еще и в том, что «каждый кромсает его, кто как может». А кромсают человека люди, жизнь, время... Они не сулят ему ничего хорошего. Вспомним строки из 23-й главы:

**Я вижу война — и смерти жду.
Церковника я вижу — жду проклятья.
Идет мудрец — предчувствую беду.
Спешит гонец — могу лишь горя ждать я...**

Этот мотив «Книги скорби» также получает свое освещение в русских критических публикациях о Нарекаци. «Поэт жил многослойными интересами эпохи, — отмечает Ал. Дейч, — и в его стихах немолчно звучит тревога, страх перед дисгармонией жизни и человека» (с. 19). Об этой дисгармонии писал в своем послесловии к изданию 1969г. Л. Мкртчян, ссылаясь и на известную 30-ю главу, где, изображая двойственность человека контрастными образами («В обеих его руках по чаше: одна — с кровью, другая — с молоком» и т.д.), поэт, сохраняя и дальше структуру двойных образов в каждой строке, постепенно переходит к образам уже не контрастным, потому что говорит теперь не о человеке, а о жизни:

**Открыты ему две двери — одна ведет к потерям, другая к слезам....
Подняты две руки — одна карает, другая лишает,
Горестная ночь двух бед — одна несет слезы, другая — гибель,
Утро траура с двумя воплями — запрета и угрозы.
Два солнца в двух концах света — одно несет тьму, другое сжигает.**

«Здесь, — замечает Л. Мкртчян, — Нарекаци видит другие контрасты: рядом с черным еще более черное, рядом с ужасным еще более ужасное, рядом со смертью — гибель, уничтожение» (с. 41). Интересную трактовку этого же отрывка дает Ст. Рассадин: «Переход от своего внутреннего состояния к угрозам, нависшим над человеком, естественен, даже незаметен, потому что для Нарекаци душа его — модель мира» (с. 32). Примечательна и мысль Л. Мила: «...Нарекаци, обстоятельно выявляя бесчисленные свойства человеческой природы и перечисляя их в пространных перечнях, обнаруживает, что пишет картину окружающего мира (выделено мной — М. Д.)... В целом картина эта малоутешительна» (с. 87). У В. Микушевича читаем: «Григор Нарекаци с редкой художественной силой рисует свою эпоху, ... когда воин предвещал смерть, а гонец возвещал гонения. Григор Нарекаци не склонен идеализировать свое время» (с. 105). А. Урбан также выделяет в «Книге...» мотив жизни, отнюдь не благосклонной к человеку: Нарекаци, по словам критика, «хорошо знает природу человека и противоречивую сущность мира» (с. 113). И еще: «Человек сотворен прекрасным, а живет во грехе и в ужасном мире» (с. 114).

Несовершенство человека, несовершенство жизни — таковы истоки мучительных душевных терзаний и сомнений героя, которые он обнажает перед Богом в своих покаянных монологах. В критических откликах немалое место занимают суждения о характере этих монологов. «Скорбные песнопения

ния Нарекаци, - пишет А. Урбан, - поражают земной мощью в обличении пороков» (с. 113). «Нет греха, - считает Л. Озеров, - в котором не признавался и не каялся бы Григор Нарекаци. Греховность не покрывает понятия несовершенства, а составляет только часть его. Это сознает поэт, обнажая несовершенство человека с предельной полнотой» (с. 120-121).

Отметив «предельную полноту» в извлечении и показе перед Богом бесчисленного множества человеческих пороков, авторы одновременно выделяют важную особенность этих покаяний героя: именно себя считает он центром всечеловеческой греховности, себя казнит за это и готов за все отвечать. «Нарекаци, - пишет Л. Миль, - терзается всеми своими грехами, даже не содеянными, потенциальными, совершенными, как он сам говорит, «в недостижимых глубинах души». ...И вот, признав себя, как он заявляет, «должником за все грехи рода людского», берет на себя ответственность за все, что творится на земле, за все, что творит каждый. А это достойно и почитания, и восхищения» (с. 87, выделено мной — М. Д.). Л. Миль верно заметил, что именно чувство вины и ответственности героя за все низменное и греховное возвышает его в глазах читателя. Об этой ответственности пишут и М. Александропулос, и М. Дудин, который, в частности, сказал: «Когда я впервые прочел Нарекаци, то понял ту истину, что познание — это величайшая ответственность, дарованная человеческому разуму. Знаю — значит отвечаю. Нарекаци поставил на высокую ступень вот это великое, морально-нравственное назначение человека. Ведь разговоры с Богом — это не только покаяние...»¹¹.

И действительно, если бы в монологах было только покаяние, герой поэмы предстал бы перед читателем приниженным, достойным лишь жалости, сочувствия... А он вызывает «почитание и восхищение». В критических откликах о Нарекаци показано, что именно обусловило подобное отношение к герою «Книги...»: это «борение противоречивых стремлений и дерзаний, смена утверждения человеческой мощи и отчаяния» (Ал. Дейч, выделено мной — М. Д.), это интонация не только покаяния, но и просьбы, а порой и укора (Ст. Рассадин), и даже требования (А. Урбан, Ст. Рассадин)... А главное — это пронизывающий монологи настойчивый мотив — быть достойным своего человеческого назначения, возвыситься до Бога, очиститься, стать совершенным...

Эта тяга человека к совершенству, что и возвышает и возвеличивает его, отмечена почти во всех критических отзывах о «русском» Нарекаци. «Религиозное самоуничижение человека, - пишет Ал. Дымшиц, - находится в постоянной схватке с мыслью о великой миссии человека на земле, о силе и красоте человеческого духа. Драматические монологи говорят о недовольстве человека самим собой, о его стремлении к совершенствованию, о его недовольстве временем и средой» (с. 66). И Александр Дейч отмечает: «Его крик о несовершенстве человека и несовершенстве мира воспринимается как воля к совершенствованию, как желание стать достойным имени человека». В. Микушевич усматривает в этом стремлении источник силы поэтического слова Нарекаци, его благодатного воздействия: «Григор Нарекаци исповедовался за каждого своего читателя, чтобы каждый читатель исповедался стихом

¹¹ М. Дудин. В Армении меня волнует все... «Коммунист», 1989, 2 ноября.

Григора Нарекаци, меняя свое несовершенство на совершенство. В такой взаимности торжествует целительный свет Слова, дающего цельность поэту и читателю» (с. 112). О целительной силе слова Нарекаци, которое, несет в себе могучий эмоциональный заряд — стать лучше, чище, совершеннее — говорит и А. Урбан: «Нарекаци ...жаждет спасти весь мир, просит для своих песен благословения, чтобы их глагол, дойдя до людских душ, вел к возрождению, был бы опорой, надеждой, врачеваньем» (с. 113).

Достаточно много места уделяет мотиву совершенствования человека в «Книге скорби» Лев Озеров в своей статье «Поэзия души скорбящей», правомерно считая данный мотив сквозным, определяющим. Отметив, что герой «иссушает себя в жажде совершенства и невозможности достичь его» (с. 122), автор видит именно в этом стремлении основное содержание и значение «Книги...». «Книга, созданная как исповедь перед Богом, как покаяние в грехах своих, является по существу исповедью перед самим собой и Человечеством, грандиозной картиной душевной жизни человека, картиной его борьбы за совершенство» (с. 117, выделено мной — М. Д.). Л. Озеров обобщает свою мысль в следующем высказывании: «Все чувства и страсти, мысли и помыслы, побуждения и мечты этого поэта служат совершенствованию природы человека, возвышают его духовный потенциал. Человек возвеличен. В этом смысл Книги Нарекаци» (с. 122).

Именно такое понимание идейной сути поэмы и побудило авторов подчеркнуть ее высокий гуманистический пафос. «Григор Нарекаци, - читаем у Л. Озерова, - прикасается к самым воспаленным сферам бытия, к самым болезненным точкам человеческого сердца. И его мольба — «сочувствуй мне и будь как врач» - полна глубокого гуманистического смысла» (с. 128). А. Урбан пишет: «Нарекаци не находит ответа на свои вопросы, но поставлены они гуманистом, отдающим себе отчет в великом назначении человека» (с. 114).

Характеризуя основные черты «Книги скорби», авторы статей-откликов о Нарекаци выразили мнение о том, что его поэзия — это достояние мировой литературы. Приведем несколько подобных высказываний,

М. Дудин: «Григор Нарекаци — поэт из храмовой библиотеки общечеловеческой культуры» (с. 72); «Книга скорбных песнопений» будет долго звучать в мировой поэзии»¹²;

Л. Озеров: «Книга скорбных песнопений» предстала перед изумленным читателем как памятник мировой литературы, как одно из глубочайших проникновений в тайны человеческой природы, человеческого духа» (с. 116); «...Поэт давно и полноправно переступил пределы своего отечества и своего времени» (с. 119);

С. Аверинцев: «Книгу скорбных песнопений» ... поэт написал для всех людей и на все времена. Именно она веками жила в памяти народа и будет жить во всемирной памяти культуры» (с. 134);

Эд. Межелайтис: «Нарекаци — один из интереснейших поэтов философского направления в мировой литературе - ...встанет в одном ряду с прославленными мировыми мыслителями (с. 16);

¹² М. Дудин. Раскрыть мозаику жизни... «Коммунист», 1988, 24 июля.

Ст. Рассадин: «Григор Нарекаци, в X веке начавший страстный, сложный, мятежный разговор с Богом, был предвосхождением некоторых важных черт мировой поэзии — в частности, русской» (с. 25).

К. Кулиев: «Нет сомнения в том, что Григор Нарекаци — один из мировых поэтов средневековья. Я уверен, что человечество еще воздаст ему должное как своему великому поэту» (с. 67).

Таким образом, в критических откликах о Григоре Нарекаци на русском языке 60-90-х г.г. XX века дается не только глубокая характеристика и анализ сущностных сторон его творчества: оно оценивается как достояние мировой культуры. Взгляд русского читателя на поэзию Нарекаци спустя 10 веков после ее создания, — взгляд, вобравший в себя опыт своей родной культуры (и других культур), оказался чрезвычайно плодотворен для раскрытия тех сторон этой поэзии, которые представляют собой вневременную, внациональную, общечеловеческую ценность.

Մ. Գ. ՉԱՆՓՈՒԼԱԴՅԱՆ – Գրիգոր Նարեկացու մասին քննադատական աշխատանքները ուսուրհեն (XX դարի 60-90-ական թթ.). – Հոդվածում քննության են առնված Գրիգոր Նարեկացու և նրա «Մատեան ողբերգութեան» պոեմի մասին կարծիքները՝ հիմնված «Մատեանի...» ուսերեն քարգմանությունների վրա: Յույց է տրվում, որ X դարի հայ բանաստեղծը խորապես հուզել է ուս ընթերցողին բարոյական խնդիրների արտացոլմամբ, մարդու բարդ և հակասական ներաշխարհի պատկերմամբ: Հեղինակները նշում են Նարեկացու արդիականությունը, «Մատեանի...» համաշխարհային արժեքը: